

Александр Николаевич Ермаков родился 28 мая 1964 на хуторе Дальняя Загирянка Ольховатского района. Живописец, монументалист, член Союза художников России. Художественное образование получил в Россошанской детской школе искусств (1974–1978), Орловском (1981–1982) и Рязанском (1984–86) художественных училищах. Учился в Московском государственном художественном институте (1986–1992), в мастерских профессоров А.С. Трофимова, К.А. Тугеволя, Е.Н. Максимова. С 1992 года — участник более 20 зональных, всероссийских, международных выставок. Член правления монументально-декоративной секции МОСХ (с 2001). Участвовал в росписи главного иконостаса, колонн, центрального зала, церковных соборов храма Христа Спасителя в Москве, в работах по украшению храмов в Москве, Воронеже, Оптиной пустыни в Калужской области, Сарове в Нижегородской области, Южно-Сахалинске. Живет в Москве.

Коли посчастливится, войдите в Москве в храм Христа Спасителя, где под куполом главным высоко-высоко, как на небесном своде, вашему взору откро-

ется святая Лик, — то вспомните, что его рисовал-расписывал и наш земляк — живописец Ермаков, зовут его Александр Николаевич. Рос он на хуторе Дальняя Загирянка близ Ольховатки, известной старейшим в России сахарным заводом.

Творить кистью на восьмидесятиметровой высоте! Дух захватывает от одной мысли об этом. Зоркий глаз нужен, крепкая рука и, конечно, талант. То и другое, третье сполна отпускалось Ермакову с сельского детства.

Прабабушка Варя приохотила к рисованию. Сказки детишкам она любила сказывать на здешней украинской «мове». Говорит было: «Стойить дид на воротах в красных чоботях. Пытае козу — чи голодна?» А рука карандашом быстро набрасывает на тетрадный лист будто живого деда с хитрющей козой. Саша вслед за бабушкой хватает карандаш. Получается не хуже, рад стараться, когда хвалят.

Уже бабушка Феня — когда жили на Яковщине, что в недалеком селе Караяшнике, откуда род Ермаковых пошел — все-все припоминала. Про Плачгору за речкой Ольховаткой. Мужиков на фронт когда провожали, то до той горы, откуда «до самого Воронежа шлях

Александр Ермаков в мастерской

виден». «На степу» хлеба косили с песней. Тяжкая работа в памяти оставалась как праздник.

Схоже в трудах праведных жили отец с мамой. Николай Данилович шоферил в колхозе — спецхозе. Зинаида Васильевна работала в лесничестве. Растили Сашу и меньших девочек Люду и Веру. Растили без баловства. Огородные заботы, хлопоты по хозяйству принимались как должные, не были в наказание.

Острый глаз, пытливый ум сельско-го мальчишки вбирал в себя окружающий мир, какой и выплеснется в цвета на полотно картин.

То будет спустя годы. А пока Загирян-ка, потому и Дальняя, что путь с хутора в поселковую школу неблизкий. Зато дорога лугом, вербами, вдоль речки с загадочным именем Черная Калитва, в любую пору года всегда по-своему интересна. Пока шел тропкой, проселком, поселковой Гагаринской улочкой, пригудившейся обочь косогора, — невольно выхватывал картинки. Запечатленные на бумаге они оживляли бабушкины песни: хатка в вишневом саду, сояшник-со-няшник-подсолнух часовым посреди огорода, зеленый гай в непролазном из-за колючего терна займище.

Саше повезло на первых учителей рисования в детской школе искусств. Ездить к ним пришлось в соседний городок Россось. Покойный теперь уже Владимир Георгиевич Цимбалист остался в картинах певцом провинциальных задворок. Не захочешь, а влюбишься вместе с художником в то, мимо чего сто раз на дню равнодушно проходил мимо. Борис Тимофеевич Литвинов, к которому и сейчас в нечастые наезды из столицы домой всегда старается заглянуть на вечерок благодарный ученик, открыл ему мир искусства во всем великолепии от рублевской «Троицы», от рафаэлевских мадонн до «Весны» Пластинова.

«На занятия Саша являлся по субботам, я сначала даже не знал, что он добирается к нам из соседнего района, — рассказывал Борис Тимофеевич. — Потом раскрылось, что паренек даже по зимней дороге в три десятка километров предпочитает ездить на велосипеде. Купался в проруби. Для художника, конечно, не это главное. Я говорю о характере. А в рисовании Саша тоже сразу выделился. Домашние задания всегда с перевыполнением. После каникул возвращается с альбомами рисунков. Советы, замечания понимал и принимал с

подушлова. На глазах набирал мастерства».

«Получил Саша диплом в нашей школе. Вижу — привязал себя к рисованию, — припомнила работавшая завхозом в школе искусств тетя, Анна Даниловна Левченко. — Говорит, буду поступать в Орловское художественное училище. Попыталась на Воронеж его переагитировать: ближе ездить, сумку с продуктами можно передать. Он мне объяснил, как взрослый: в Воронеже только открывается училище, преподаватели неизвестно какие будут, а в Орле — опытные. Показал мне журнал «Художник» с картинами тех мастеров, у кого собрался учиться.

В Орел приехали. Взяли адрес квартиры в училище. Попали на окраину, в доме грязно. Жалко стало его тут бросать. Пошла к коменданту общежития, набралась нахальства и положила ей на стол гостинец — курицу, что Саше зарубили. Нашлось место в комнате с дипломниками. Саша сразу с ними взялся рисовать. Кто там оценил его способности, не знаю. А зачислили его прямо на второй курс.

После в армии служил. Доучивался в Рязани. Тут он меня послушался. В Орле выпускникам давали диплом учителя рисования. А ему нужно было окончить класс живописи, раз хотел учиться на художника. Заявил: хоть десять раз буду сдавать приемные экзамены — пока не поступлю в институт.

На выпускные экзамены в Рязань выслали ему немного денег. Июнь, июль проходит — ни Саши, ни письма. В августе забеспокоились. У меня уже в мыслях дурное. Хоть на розыск в милицию подавай. Заявляется. Обросший, борода не борода — «а у меня бритва сломалась». Жарище, а он в теплой рубашке — «пообносился, а новую купить не

за что». Вгорячах прочитала ему «Отче наш», теперь, говорю, рассказывай, где пропал. «А я, тетя, в Москве в Суриковский художественный институт поступил». Не верю, знаю, какой там конкурс, как в космонавты. Протягивает мне бумагу о зачислении в студенты.

Чего же сразу не сказал? Голодный ведь? Давай за стол!..»

В изданном в Москве небольшом альбоме «Русское искусство конца XX века» есть страничка Александра Ермакова. Репродукция картины «Поздняя осень». В ней он как бы воплощает заветы Владимира Цимбалыста: видеть дорогое в неброском — старый, старинный дом в осеннем отгорающем цвете.

Приглашение Ермакову расписывать храм Христа Спасителя — как награда за многолетние труды, какие он принял с детства, как признание свыше художнику, который состоялся.

«Вначале сделали уменьшенный в десять раз макет купольного свода, — рассказывал Александр Ермаков своему учителю. — Подняли его на восьмиметровую высоту. Подправили эскиз. Работу принимал и благословил Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Увеличить росписи пробовали с помощью компьютера. Не получилось. Надежнее оказался старый простейший способ. Расчертили макет на квадраты и переносили так рисунок.

Расписывали не сам свод. Под ним подвешена незаметная снизу купольная сфера — роспись долше сохранится. Легче ее обновлять кому-то доведется».

Хотя до этого еще далеко. Расписывали ведь на века. Как и храмы на Киевском, Белорусском и Казанском вокзалах Москвы. Как церкви в Сарове, Оптиной пустыни, на Сахалине...

